

СОПО

ПЕРВЫЙ
СБОРНИК
СТИХОВ

РСФСР

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД
ПЕРВОГО ВЕКА

СОПО

1

Всероссийский Союз Пэзгов приступая к издательской работе, намечает последовательный ряд сборников-бюллетеней Союза под общим наименованием СОПО, где будут представлены все литературные направления и школы объединяемые ВСП

ПРЕЗИДИУМ
ВСП

УЧАСТВУЮТ

ИМАЖИНИСТЫ

Грузинов Ивнев

ФУТУРИСТЫ

Буданцев Ечеистов

АКМЕИСТЫ

Эрберг

ЦЕНТРИФУГИСТЫ

Аксенов Бобров

ЭКЛЕКТИКИ

Бенар Ковалевский

НЕОРОМАНТИКИ

Стенич

ПАРНАСЦЫ

Федоров

СИМВОЛИСТЫ

Белый Брюсов Сологуб

КЛАССИКИ

Фет

Редакционная Коллегия
ВСП

ИВАН АКСЕНОВ

Пожаром дрожавший праздник
Еще отгорал в звездах,
Чтоб ночью рост его важный.
Раскинутый, не зачах.

Мой сон уходил и плавал
Под резонатор всех, трепетавших днем
Воль и своим, неумным.
Полночь кропил огнем.

А, хрустя, хрусталем созвездий.
С башен звеня, стекал
Извивающимся курантом
Колокольный Интернационал.

Я же все, что слезы достойно,
Чем дыханье было полно,
В эти звезды забросил горстью.
Устрицу на морское дно:

Та радость и боль не тщетно
Дробилась, взлетя, в тебе,
Небесной пустыней, светлой.
Песнь о последней борьбе.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Из родников проговорившей ночи
В моем окне
Нежданные, мерцающие очи
Восходят мне.

Блестает луч из звездной рукоятки,
Как резвый меч;
Мой бедный ум к ногам смущенных братьев
Слетает с плеч.

Я — обезглавлен в набежавшем свете
Лучистых глаз.
Меж нами — Он, Неузнанный и Третий;
Не бойтесь нас.

Мы — вспыхнули, но для земли — погасли.
Мы — тихий стих.
Мы — образуем солнечные ясли.
Младенец — в них.

Слепую мглу бунтующей стихии
Преобрази.
Я не боюсь, влекут Христософия
Твои стези.

Ты снилась мне, светясь... когда-то, где-то:
Сестра моя!
Люблю тебя: Ты — персикова цвета
Цветущая заря.

Как вешний вихрь, гласят изумолимо
Гласят в голубизне —
Твои слова, прошедшие мимо,
Но сказанные мне.

В свои глаза — сплошные сфероды...
Меня возьми;
Минувшие, плаголющие годы
Мои уйми.

В твоих глазах блистают: воды суши —
Бросаюсь в них:
Из глаз Твоих я просияю в души,
Как тихий стих.

И сердце — обезумевшая птица
В немой мольбе
Пусть из груди — разорванной темницы
Летит к Тебе.

Мы — вспыхнувшие, вспыхнувшие дети
В нежданный час:
Меж нами — Он, Неузнанный и Третий;
Не бойтесь нас!

НАТАЛИЯ БЕНАР

Когда ж опять пески и камни
Ступни босые опалят?
Когда, когда вернет судьба мне
Азербейджанские поля?

И медь цикад, и джелекот оранж,
И над Араксом звон юсок —
Ах, до сих пор щекочет горло
Смерчами взвихренный песок.

И слов забытых сердце ищет:
«О, джан, о, джан, мэн бульдурам!»
Вернусь ли вьювь, слепой и нищев,
К твоим степям, к твоим горам?

Какою дикою отравой
Мне сердце напоили вы? —
Молчат внимательные травы,
Скряпят агавы, стонет выпь.

СЕРГЕЙ БОБРОВ

Когда детошпирующий город
Рассыпается на куски,
И секундомером сердце!
Карабкается в виски,
Покрывая жемчужным потом
Линии зевающей редко руки
Мелкие россыпи изумрудов
Стекла блеснут,
Выдавленного в кристаллические груды
Вихря движением круглых свирепых рук,
И знакомые крики
Пятого этажа: «Дым! Ты не боишься?—я боюсь!...»
И медленно расстающиеся с небом
Клоки и короны дымных медуз;
И их адская важность
Раздувающих ноздри убийц,
Торжествующие раздавливающие звуки
В панической щедрости падающие вниз.
Мешок взбаламученных сердец и тут же
Перековерканные страхом мечты:
Бедное зеркало цветущей весны, ты ли
Подергиваешься смертной тошнотой.
И все же: крики сломя — голову автобусов.
Шариком — кузнечики мотоциклов; вниз. —
Солнце сквозь жирный дым — и
Угрюмо напыленные маски лиц, —
И все же: эти головни — последний
Выжимок сорвавшегося огня,
Его окровавленные бредни —
Лишь сгорающая с треском суета.

10.5.20.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Все люди, люди и люди,
Всех осанок, величин и мастей.
Розетка мировых иллюзий,
За работой, на пир и в постель.

Все люди, теперь и прежде,
И в грядущем, взглянув за забор,
Повтор все тех же арпеджий,
Аккордов старых набор.

Ахилл ль, Терсит ль, Елена ль,
Поэт, чиновник, король, —
Весь сверток земной вселенной
Под печатью одна бандероль.

А, быть может, на синих планетах —
Чудовища, владыки стихий,
О чем не молчали в сонеты,
Чем не блистали в стихи!

А, быть может, в огне или в незримом —
Демоны, дьяволы, — вы —
Кто пылаете, мимо, мимо,
Презирая кивком головы!

Через сердце к зеленому полю
Первый проводи меридиан;
Он упрется в точку, где полюс
Полярной звездой сияет.

И от этого мига жалеть ли
Путей вперед и назад,
Где и в прошлом все тысячелетья
И в грядущем гневно грозят.

Расточить, как щедрый наследник.
На пиру этого дня сумей
Мудрецов, поэтов, проповедников
Клад, что собран в твоём уме.

Пусть кровь твоя просочится
В века из земной ризницы,
Где будут кормиться волчицей
Ромы иной близнецы.

От вселенной тебя ли ютимем?
Всех солнц разорвется связь,
Вихрями в пустоте золотыми,
Калейдоскопом нелепым резвись.

Меч от зенита к надиру
Насквозь тебя пронизал; —
Над вечностью им балансируй!
В бесконечности тронных зал.

СЕРГЕЙ БУДАНЦЕВ

Тобой — волнение черное лолос и пюфяка,
и духота, и темь, и мгла, гноющая века,

постели скрип, п рыжий блеск и корридора дим,
обваливаясь шарканьем и говором воды.

заваливает сплетнями гостиничный прибор,
влипаает в уши, серу рвет — тобой, тобой, тобой.

Ссыхаясь в номер, втянуто со льда мое пальцо,
с мороза пальцы к горлу, как ветки подо льдом.

Лежим. В мясной торговле потушен пульс не так,
как вытянутым штепселем тьма отбивает такт.

Густая сырость льнет сплетча к черяшлевым губам
убийственной солдатской потлицостью рубах.

Рогожей пахнет ночь мертво, и липнут со звезды
в окно, на кашель, одеял холодные пуды.

Фонарь, взмахнувши площадью, на форточке повис,
движет, движет мрак и лясканье, и визг.

Ночь одинока, как мороз, просунутый в окно,
в дрожь одури, в кипенье губ, на поцелуев дно.

ГЕОРГИЙ ЕЧЕИСТОВ

Сгорая, уйду.
До края дойдешь.
И ждешь? —
Скажи, какого лета?
Приветом вспигы лаж и дож.
И это —
Гири на весы,
Проверить счетчик!
А сын резца и бантиков на кофе
Слезой росы
Не сможет дожь извилить четче
По самой дучшей копоти судеб.
О лишнем порошке твоих утех
Растрата умирашнй
И мелких слав.
Бери у тех
Где входы ранние и руны.
Сквозь струны
Колесаний смеха
Глядит невозмутимый Вячеслав.
И я, коленопреклоненно
Целую розовую плащаницу
Твои колени, кисти рук.
Моих томлений багрянцу
(Твоих перук)
Карая дружбой вынесет мой фразум.

ИВАН ГРУЗИНОВ

Ситцевый полог чуть кольхнулся.
Сдавленный стон,
Точно муху тошную пьет паук.
Икота.
К двери сапожищи шмыг.
Журавец у колодца: ау.
Вечер, тенью мохнатой шагнул,
Стер позолоту
С тонкой
Закатной тесьмы.

Небо в окно
Ветшкой лентялой.
Крепко приправлен
Дух щаной
Дымом табачным и потной бинучей.
Дрожь.
Ледяная кора.
Схвачен ком одеяла.
Череву воды холодной в ведро,
Тестом проквашенным пучит.

Иглами в тело впились.
Всхлип краткий.
Последний порыв.
Подкатило к горлу,
Душит лепешкой клеклой.

Из матки
Студнем рыжим
По волосикам слизь.
Круглое, красное медленно перлю
Как из горшка перепрелая свекла.

Выплеснут крик звонкий.
Бабка ощерилась сукой подкарой.
Рухлые пальцы вяжут пуп.
На пеленки
Капля темным рубином с жожа.
В копоть лампада луч
Как голубую тропу.

В пыльном божничьем углу,
Где сентябрьские мухи сонные
Проползая
По стеклам икон
Кропотливо узоры рисуют,
Дева Мария
Сижьской пергаментной пичкаст
Иисуса,
И до зари
На лубочную зыбку и долог тряпичный
Щурит византийские глаза.

Май 1921

РЮРИК ИВНЕВ

I

Кровь и тонкий крошк,
И звезд зыбкая твердь.
Целовать твои руки только.
Вот моя жизнь и смерть.

Чей это черный праздник?
Ветер и сосны. Огонь.
Царь Иоанн Грозный
Вернул бы мне эту медонь.

Ветер и ветром пытки.
Готовя воздух. Готюзь.
Черными звездами вытки
В небе мою любовь.

Каждая косточка боль и
Сквозь воду и твердь
Целовать твою кожу только.
Вот моя жизнь и смерть.

II

Я молюсь тебе дгустками крови,
Ядом язв, белизною души.
Это ты мою кровь приговори.
Без меня мою жизнь порешит.

Золотая душа гильотины
Миллионами стоптанных глаз.
Как клещами выпивается в спину
Убегающего от вас.

Мне хотелось бы черной неволи,
Монастырского скудного дня —
Чтобы харкали кровью мозоли
На опухших ногах у меня,

Чтобы эти слепые молитвы
Добрели до тебя, точно мать,
Что шатаясь пришла к полю битвы
Над зарубленным сыном рыдать.

Янв. 1921.

ВЯЧЕСЛАВ КОВАЛЕВСКИЙ

Трауермарши. Ребра
Горизонтов в теле коммуни.
Гипнотизирует кобра
Неповторяемых лун.

Нищую губ мерку
К телу любви кто?
Дни на ресницах меркнут,
На пуговицах пальто.

Взмыленных тел оратория.
Запах морей в губах.
Страсть или тихое горе
В горницу вносит судьба?

Глаз декретический росчерк.
Слов и почей сулема. —
Качай твои рыжие рощи
Над тихо сходящим с ума!

На крови, на страсти брешной
Молодость сожжена.
О, тело твоё вербена,
Ни любовница, ни сестра, ни жена.

Еще одну память на старость.
 Меж книг, ерунды и страстей,
 Кровь бившую в ночи гитарой
 Неведомых скоростей.

Последнюю, верьте, цыганку!
 Сжигаю костром на зарю. —
 Всю жизнь и поэмы — цыгаркой,
 Захлебываясь, раскурю.

Глаза, обожженные скулы
 И душною домною рот, —
 Пляши! Я ослеп, Мариула,
 Безпамятствую как крот!

Пляши! Я не помню. (О стены
 Кровь бьется в орбитах гитар.
 Вся страсть, все иные системы —
 Дыханье и этот загар.

Бей пол! На прилавках гитары
 Разменивай плечи на дрожь! —
 У сердца графины угара,
 И синий, как сумерки, нож.

Май, 1921.

Н. КУГУШЕВА

О, трудный путь заржавленных разлук,
Вино отравленное вкусом меди!
Сожженных губ — похожих на золу —
Не зачерпнет надежд веселый бредень

Колесами раздавливает час
На пытке медленной распластывает тело.
И снова ночь тугая как печаль,
И снова день пустой, бескровный, белый.

Лишь ожиданье шалами легко,
Под паровозным растянувшись стуком.
Осколки слов разбившихся стеклом
Царапают целованные руки.

ТАРАС МАЧТЕТ

Незабудки в сухарнице. Леденчики.
Семь комнат. Осман-Мурза
В зимний вечер. Альги
Наброски по стеклу там же.
Кувшинчики по сланцу. Лишья
Пряничный домик. Смолки,
Цепочки шпата и опилки
Вишневка. Чашечки в шелке.
Девочки около стола. Сливки.
Пешком с вокзала. Сборы.
Красивая Мечь. Улы
Из Чудского займища. Пришла.
Венчики по долу: дали.
Кузнечики и майские жуки.
Капельки, капельки. Рушники
В зимний вечер. Приборы.
В сгоревшем флигеле пережени.
Пешком с вокзала. Кузнечики.
Семь комнат... Дзень.

ВАРВАРА МОНИНА

Сон завалил камнем
И воздуха пожар
И боль, сжатую руками,
Хлынувшую к глазам.
И все — что листвою напелось,
Голосем и долгой весной —
Встало мертвым, белым
Облаком под синевою.
Мне ли, мне ли это, —
Чтобы только и вспомнить могла:
Сгорбленные эполеты
Лермонтова,
Хлынувший сумрак глаз,
Стих, как молния тревожный,
Перестреленной свист струны.
Бумаги гусиную дрожь
И подпись — пятна луны.
И в мертвый, рухнувший кручей,
Не забыть в каменный сон:
Так — любил и мучил,
Любил и мучился он.

ФЕДОР СОЛОГУБ

Не знаю лучшей доли,
С сумою, с посошком
Итти в широком поле
Неспешно, босиком.

Вздыхают томно травы
В канавах вдоль дорог.
Безшумные дубравы
Не ведают тревог.

Не спорит здесь с мечтами,
Не шепчет злую быль
Под голыми ногами
Податливая пыль.

В истоме знойной лени
Даря мне холодок,
Целует мне колени
Прозрачный ручеек.

Легки и звонно зыбкие
Стихи в душе звенят,
Как ландышей улыбки,
Как томный запах мят.

И всем я чужд ютравам,
Когда иду босой
По придорожным травам,
Обрызганным росой.

ВАЛЕНТИН СТЕНИЧ

Мы никогда не забудем,
веков отряхивая пыль,
дарованную ныне людям
великолепнейшую быль.

Идет июльскими ногами
«могуч и радостен», как встарь,
в венце и тоге за плечами
вдоль Невки Медный Государь.

Металлом царственных велений
обрывки слов звучат в тиши:
Мой вскормленник, Владимир Ленин,
великий подвиг заверши;

Восстающая огонь угрюмый
бросай в октябрьскую метель!..
Мои антихристовы думы
свершить — уделом не тебе ль?..

Ну, где же ты? Скорей! Не мешкай
завещанный переворот!..
И сардонической усмешкой
неправильный кривится рот.

II

Наркомвоен отрывисто чеканит
Главе правительства сухой вопрос.
И у широкого юна очками
Поблескивает строгий Наркомпрод.

Каким-то переральным фейерверком
Расбрасываются обрывки фраз:
«Товарищ! назначенье Главковерхом
Вам принесет сегодняшней приказ...»

Волнения рабочих в Вашингтоне!..
Восстанием охвачен Будапешт!..
И взор усталый машинистки тонет
Под грудой зашифрованных депеш.

Наркомфинансов с Наркоминделом
Беседуют о пониженьи цен.
И странно-чужд в дворцовом зале белом
Нерусский председателя акцент.

О, эти люди, твердые как камень,
Зажённые сигнальные огни!
Их будут чтить веками и веками,
И говорить о них страницы книг.

И летописец пламенной свободы
Восстановит восторженным пером
Закуривающего Наркомпрода
И на столе у Наркомзема бром.

Киев 1918.

ВАС. ФЕДОРОВ

О, повторимость песен спетых,
искрящиеся зеркала,
седая, злая муть легла
на ваши радужные светы...

Тону душою несогретой
в отчаяньи, что стелет дгла.
...Вы слышали? — Он умер, Томас Глан,
в какой-то Индии, в безвестном где-то...

Что-ж мне осталось? — выцветшие строки
газетной вырезки бессмысленно читать,
да по моренам родины жестокой
как привидению ненужному блуждать:
волнующий влекущий голос барда
не кидает в кровь мою желанный крик: «Эдварда»...

Мой Мункен Венд, я знаю — непохожи
 вы на того, с кем я была знакома...
 С какую болью вам, печальный прохожий,
 вчера шепнула я — рассеянная — : «Томас...»

Не вам понять какой мечтой влекома
 страдала душа! Вот вы ушли... и что же?
 мне тягостен покой родного дома...
 совсем одна... Ничто мне не поможет!

Синцовый сон сомнет — и снова, из тумана
 давно — мшившего, звериный глянец взгляда...
 вся задрожу, впивая сладкий яд...
 руками стисну грудь — так я встречала Глана!
 ...и вдруг проснусь. Кто постучит в окно? —
 Лепарь, животное... теперь ведь все равно.

P. S.

Итак, вы иль Гильберт домились жаждой тела
 Эдварды Мак? — Ну, что-ж... берите смело!

Из архива Эдварды

23 май 1921.

ОЛЕГ ЭРБЕРГ

I

Мы торговали воском и шаданом,
и от неба совсем посинели;
а багдадские персы молились и меняли
деревянную печень и мясо полишенеля.

Священен пот умирающего шиита
в унавоженном верблюдами квартале.
И длительна полночь Гарун-аль-Рашида,
когда в предбаннике под Сородой мы щекотали.

И когда мы сели нашпигованного гусем, полше-
неля Гасана,
пришли из кизекового леса
и принесли нам золотых фазанов
семь грязных юношей из сонного Эфеса.

А когда мы тонули в море,
от арабских акул причал ища,
вспомнили, что не было церквей в Бассоре.
А с неба ухмылялось блаженное лицо царя Але-
ксей Михалыча.

В тумане фонари тяжелы и неярки.
 Как душу уберечь от томной мокроты?...
 И вечер звезды выбросил в Гайд-парке
 из «Общества презренья бедноты».

Напудренный парик в Вестминстерском аббатстве
 на шторах хартий золотых пустынь, —
 аббат о кознях лунных мастурбаций
 читает внятно мерную латынь.

Расскажут мясники туманной кровью с крыши, как
 в воловых шкурах индульгенцию таят.
 И над парламентом алжирская мартышка
 кривлялась, как ирландский депутат.

И каждый кэб кричит аббату: «Ав-ва»,
 и шепчет брань молитвою бичей,
 и желтогрязная и мутная канава
 качала ватных королевских голубей.

Какой квартал игрушечный мне снился?
 Какой удел таинственный мне дан?
 И вот аббат звездой перекрестился,
 принявши Темзу за Иордан.

А. ФЕТ

Добрейший Павел Николаевич!

Амур начальник Гименей,
А Гименей без водки пас,
Вот отчего я не краснея
Решаюсь беспокоить Вас.
Податель сей бежит к Гименю,
А Вы Амур! уж так и быть,
Велите за простую цену
Покрепче водку отпустить.
Вам труд не́, будет безвозмездный,
О нет! котлеты посочней
У них тебе Амур уездный
Подаст наш повар Гименей.
И тарантасик Ваш походный
Узнав по тысячи примет,
Вот он заступник всенародный,
Воскликнет Афанасий Фет.

Степановка, 11 сентября.